

В. Берг

Последние гардемарины

**Трилогия с 17 фотографиями на
меловой бумаге**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Берг**
Последние гардемарины: Трилогия с 17 фотографиями на меловой бумаге / В.
Берг – М.: Книга по Требованию, 2014. – 193 с.

ISBN 978-5-518-01012-3

ISBN 978-5-518-01012-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТКРЫТІЕ МОРСКОГО КОРПУСА
ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ ВЪ 1919 ГОДУ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Темная, теплая, южная ночь нѣжила въ своихъ объятіяхъ море, горы и, мирно спавшій на ихъ склонахъ, городъ Севастополь.

Съ далекаго темнаго неба смотрѣли ласковыя звѣзды въ черную глубину Сѣверной бухты, блѣднымъ свѣтомъ играя въ волнѣ, омывавшей участокъ Морского корпуса. На широкой деревянной пристани стоялъ высокій, кряжистый старикъ Селезневъ, съ длинной сѣдой бородою, подпоясанный под-сумкомъ, съ винтовкой за плечами.

Онъ мечтательно смотрѣлъ на море, на маленькую желтую шляпку, плавно качавшуюся у пристани на короткой цѣпи.

Страстный рыбакъ по профессіи, вольнонаемный сторожъ корпуса, онъ съ радостью вскочилъ бы въ шляпку и забросилъ удочку или сѣть въ темную воду залива; а тутъ сторожи мертвый участокъ горы съ недостроеннымъ зданіемъ корпуса и офицерскими, почти никѣмъ необитаемыми флигелями.

Но пересиливъ искушеніе, онъ поправилъ подсумокъ и ружье и медленнымъ шагомъ пошелъ съ пристани на бѣлое шоссе, ведущее съ пристани къ главному зданію громаднаго бѣлаго дворца — корпуса.

Медленно поднимался старикъ на гору, медленно изъ-за горъ поднималась навстрѣчу луна и серебристымъ своимъ свѣтомъ заливала гору, высокія, бѣлыя колонны, галлерей въ недоконченной постройкѣ и ниже у берега моря бѣлые, уже готовые флигеля.

Переложилъ ружье на другое плечо и зашагалъ вдоль главнаго зданія между высокими штабелями кирпичей, бѣлыхъ глыбъ Инкерманскаго камня, бута, желѣзныхъ балокъ и бѣлыхъ ямъ негашеной извести, сіявшихъ при лунѣ, какъ молочныя озера.

Дальше лежали бревна, брусья, доски, сколоченныя въ рамы, чтобы ни одна изъ нихъ не могла пропасть.

Въ одномъ изъ крыльевъ высокаго зданія громоздились штабеля дубоваго паркета, кафели для печей, изразцы пола и черепицы для крыши.

Старикъ заглянулъ въ пустыя, длинныя залы, прислушался: никого... тихо. Пошелъ дальше своимъ дозоромъ и, дойдя до лѣваго крыла большаго зданія, услышалъ мой свистокъ.

Въ этомъ году, я, какъ бывший командиръ Роты Его Высочества этого корпуса, былъ назначенъ завѣдующимъ всѣмъ имуществомъ и зданіями Морского Корпуса и Начальникомъ его охраны.

Жилъ я въ своей квартирѣ въ бѣломъ флигелѣ на берегу Сѣверной бухты Чернаго моря. Здѣсь, подъ крыломъ Божьей милости, сохранилось въ цѣлости все мое гнѣздо.

Въ эту тихую лѣтнюю ночь вышелъ я изъ своего флигеля на очередную провѣрку дозорныхъ и услышалъ отвѣтный свистокъ Селезнева. Я поднялся на звукъ, по тропинкѣ, къ сторожкѣ, подошелъ къ старику. Онъ взялъ винтовку къ ногѣ и приподнялъ шапку.

— Все благополучно, Селезневъ? — спросилъ я.

— Все благополучно, Владимиръ Владимировичъ.

— Ну, пойдѣмъ вмѣстѣ, — сказалъ я. Мы спустились въ подвалы и нижніе этажи флигелей, гдѣ у меня хранились дорогія стекла для оконъ громаднаго зданія, и мѣдные приборы къ окнамъ и дверямъ. Убѣдившись въ цѣлости замковъ и складовъ, мы обошли четыре офицерскихъ флигеля на берегу.

Съ моря дулъ предразсвѣтный вѣтерокъ.

Луна скрылась за черной водою. На востокъ протянулась розовая полоса.

Ясное утро лѣтняго дня. Подъ звуки мѣдныхъ горновъ и звонъ рындъ на судахъ поднимаются Андреевскіе флаги и начинается живая, суетливая работа офицеровъ и команды.

Въ порту давно прогудѣлъ гудокъ, тамъ стучать молотки и шипять горны, тысячи рабочихъ копошатся въ мастерскихъ и докахъ.

По рейду пробѣгаютъ катера, ялики подъ парусами съ базарнымъ людомъ; на авіаціонномъ плато шумять и гудятъ пропеллеры, готовые къ отлету; шумить, просыпается городъ Севастополь, бредутъ его граждане на службу и работу.

Только на участкѣ Морского Корпуса тихо и безлюдно. Не слышно на немъ радостныхъ звуковъ жизни, ни суеты работы, ни строевыхъ командъ, ни голоса преподавателей, ни музыки строевыхъ учений.

Тихо. Безлюдно, какъ на забытомъ кладбищѣ.

Бѣлый высокій дворецъ тянетъ свои стройныя колонны въ голубое утреннее небо, какъ бы прося у него пощады, спасенія отъ неминуемой гибели разрушенія.

Корпусъ! Гдѣ твой Директоръ?.. Гдѣ твои кадеты, гдѣ учителя?

Забытый, недостроенный, опустошенный! Скелеть безъ тѣла, безъ души!

Скажи, кто оживитъ тебя, кто вошьетъ въ твои сосуды живую, горячую кровь?

Морской корпусъ, рожденный Царями, убитый революціей. Скажи, ты погибъ навсегда, или явится сильный и смѣлый и кровью сердца своего, любящаго Родину, вошьетъ въ тебя жизнь?

Такъ думалъ я въ это утро, сидя у себя въ бѣлой столовой за дубовымъ прадѣдовскимъ столомъ, накрытымъ камчатской скатертью, и пилъ изъ Севрскаго фарфора съ гербами Прибалтійскихъ рыцарей ячменный кофе съ ситнымъ хлѣбомъ.

Со стѣнъ смотрѣли на внука портреты предковъ въ овальныхъ золоченыхъ рамахъ. Солнце заглядывало въ комнату и

шаловливыми зайчиками бѣгало по хрусталу, серебру и никкелю журчащаго самовара, по шкапу, краснаго дерева, съ до-рогой старинной посудой.

Ярко сверкаль паркетъ, крѣпко натертый воскомъ.

Въ продолженіи шестнадцати лѣтъ прослужилъ я въ Морскомъ корпусѣ въ Петербургѣ и въ Севастополѣ, начавъ воспитательскую дѣятельность еще въ мичманскомъ чинѣ при адмиралѣ Чухнинѣ. Я видѣлъ своими директорами адмираловъ Римскаго-Корсакова, Воеводскаго, Русина, Карцова и Ворожейкина. Всѣ зимы училъ и воспитывалъ кадетъ и гардемаринъ въ стѣнахъ роднаго мнѣ корпуса; а каждое лѣто уходилъ въ плаваніе со своими воспитанниками на судахъ отряда Морского Корпуса въ своихъ и заграничныхъ водахъ.

За эти 16 лѣтъ я прошелъ черезъ всѣ офицерскія должности въ корпусѣ до ротнаго командира включительно. Корпусъ украсилъ мундиръ мой всѣми орденами до Св. Владимира включительно; баловалъ меня приказами, наградами, дарилъ счастье, высокую честь и полное духовное удовлетвореніе въ служеніи родному флоту, воспитывая и образовывая для него славныхъ, доблестныхъ морскихъ офицеровъ.

Сколько сотенъ такихъ прошло черезъ мои руки, и какъ безконечно дорога мнѣ ихъ благодарная память!

Вотъ я въ Севастополѣ — Командиръ роты Его Высочества; въ этой ротѣ долженъ былъ воспитываться Наслѣдникъ Цесаревичъ. — Апогей мечты всякаго воспитателя! И вдругъ... грянула революція... Закрыли любимый корпусъ. Разлетѣлась золотая мечта.

Я вновь въ Петроградѣ — начальникомъ строевой части и командиромъ гардемаринской роты у адмирала Фролова.

По той же причинѣ, только позже закрыли Отдѣльные Гардемаринскіе Классы и Петроградское Морское Училище... Я вновь въ Севастополѣ.

Кто я? — Завѣдующій зданіями морского корпуса, хранитель его богатствъ, его священныхъ традицій, морского духа, его памяти, его реликвій.

Это все, что досталось мнѣ за 16 лѣтъ педагогическаго труда, самой высокой, искренней, горячей любви къ Корпусу и къ его дѣтямъ-воспитанникамъ.

Взглянувъ въ окно, я вдругъ увидѣлъ, что съ моря, мимо каменнаго форта, идетъ небольшой изящный пароходъ подъ Андреевскимъ флагомъ, по типу похожій на яхту.

Яхта подъ военнымъ флагомъ вышла уже на рейдъ, и стала на якорь. Вскорѣ у праваго трапа закачался полированный катеръ.

Въ него вошли три человекъ, и катеръ отвалилъ отъ борта, взявъ курсъ на Морской корпусъ..

Я всталъ съ кресла и, не отрываясь, смотрѣлъ въ бинокль.

— Что это за судно? — подумалъ я, — и кто на немъ?.. А вѣдь они къ намъ!

Катеръ быстро поглощалъ пространство.

Спускаюсь я изъ флигеля по дорожкѣ на пристань, съ тяжелой связкой ключей.

Бдутъ гости; иду ихъ встрѣчать. Кого только не встрѣчалъ я на этой пристани: и Государя Императора Николая II, и Наслѣдника Цесаревича, и адмирала Колчака, и министра генераль-адъютанта Григоровича, и адмираловъ Русина и Карцева, и множество другихъ... Кого-то Господь посылаетъ теперь и что привезутъ эти люди съ собою? А они уже у пристани, и всѣ трое выходятъ ко мнѣ.

Впереди идетъ молодой офицеръ, въ черной тужуркѣ, съ погонами старшаго лейтенанта, съ угломъ изъ ленты русскаго національнаго флага на рукавѣ. Стройный, небольшого роста, плотно и крѣпко сложенный, съ открытымъ русскимъ лицомъ, въ рамкѣ черныхъ волосъ, подстриженныхъ бархатнымъ ежикомъ, надъ большимъ, широкимъ лбомъ, упornaго и сильнаго характера. На вискахъ чуть-чуть серебрятся густые черные волосы. Энергичный ротъ подъ щеткой черныхъ усиковъ, «а ля америкэнъ», сияетъ мнѣ навстрѣчу бѣлыми зубами, сердечно-радостной улыбкой.

На лицѣ обвѣтренномъ и загорѣломъ, подъ дугой черныхъ бровей, блестятъ энергiей и волей, полные жизни, темнокаріе глаза.

Онъ протянулъ мнѣ руку и громкимъ, бодрящимъ голосомъ сказалъ:

— Здравствуйте, Владимиръ Владимировичъ! Не узнаете своего бывшего воспитанника?

— Машуковъ! Николай Машуковъ? — воскликнулъ я радостно, — узнаю, конечно, узнаю! — и горячо пожалъ его руку.

И передъ моимъ духовнымъ взоромъ протянулся длинный рядъ желтыхъ, полированныхъ конторокъ, въ большомъ ротномъ залѣ Петербургскаго Морского Корпуса; за одной изъ нихъ, въ синей голландкѣ съ бѣлыми погончиками, сидѣлъ прилежный, кропотливый кадетикъ, разбираясь въ книгѣ флотовъ всего міра, составляя таблицы сравнительныхъ боевыхъ силъ артиллеріи, брони, судового состава, изучая національные флаги и сигналы. Точный, исправный, религіозный съ чистой душой и горячимъ сердцемъ, въ тѣ юные еще года уже такъ пламенно любившій Русскій Флотъ и свою великую Родину.

— Еще бы не помнить! Вы и тогда уже выдѣлялись среди кадетъ, — сказалъ я и еще разъ крѣпко пожалъ его руку. — Уже старшій лейтенантъ, плаваете, гдѣ? на чемъ?

Онъ повернулся къ морю, указалъ рукою на стоявшую на рейдѣ яхту: — Вотъ мой корабль. Я командиръ вспомогательнаго крейсера «Цесаревичъ Георгій», доставилъ въ Севастополь Его Превосходительство генерала Ставицкаго. — Онъ представилъ мнѣ одного изъ своихъ спутниковъ, — и полковника англійской службы Юнгъ, — указалъ онъ на другого.

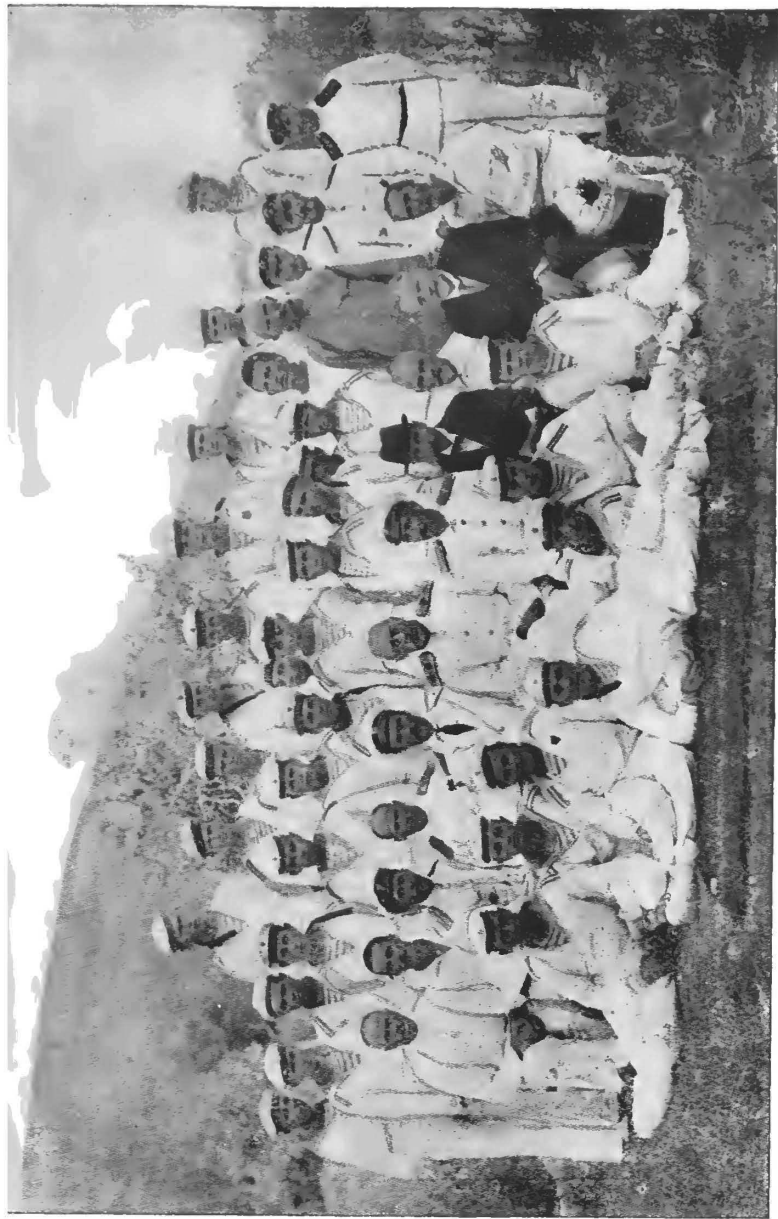
Мы представились другъ другу. Затѣмъ Машуковъ объяснилъ мнѣ цѣль ихъ пріѣзда.

Русскій генералъ и англійскій полковникъ попросили меня показать имъ всѣ зданія и кладовыя корпуса; я повелъ ихъ для осмотра.

Машуковъ слѣдовалъ за нами.

Гости мои долго, добросовѣстно осматривали флигеля, склады и главное зданіе корпуса на горѣ, записывали данныя, переговаривались между собою.

Оказалось, что они пріѣхали искать свободныя зданія подъ боевое снаряженіе армій, дѣйствующихъ на Югѣ Россіи, и предполагали отдать Морской Корпусъ Красному Кресту.

4-ая рота во главѣ съ Директоромъ Корпуса и г.г. Преподавателями.
(Клише «Часового»).

Гардемаршы 1-ой роты.

Командиръ — Старшій Лейтенантъ ф.-Брискорнь и Старшій Лейтенантъ Помаскинъ.